

Катаев не стал развивать свою мысль. Будучи близок к Брикам и Маяковскому (буквально накануне гибели поэта тот был у Катаева), Валентин Петрович, несомненно, знал, о чем говорил.

— А вы не могли бы назвать имя того чина из НКВД?

Катаев задумался, опустил голову и, вздохнув, ответил:

— Ну, теперь об этом можно сказать. Его фамилия Агранов.

П О ВОЗВРАЩЕНИИ в Москву я заинтересовался этой личностью, тем более что Юлиан Семенов также упомянул о нем в своих "Версиях" как о друге Маяковского и Брик. В журнальном варианте (Версия — 4. Нева, 1988, № 3) он был упомянут под своим именем. В книжном — как ближайший друг Маяковского Ян. С удивлением там же я обнаружил и слова о том, будто парижское увлечение поэта не имело особого значения.

В "Версиях" Ю. Семенов резко выступал против критика В. Воронцова, его утверждения, что "приезд Маяковского в Париж был сорван не без вмешательства Л. Брик": "Есть ли доказательства, что Т. Яковлева дала согласие на приезд в Москву? — спрашивал Ю. Семенов ("Версии", М. 1990, сс. 540—541). — Кто представлял "силы", которые сорвали "женитьбу" Маяковского, отказав ему в визе? Почему в комментарии (В. Воронцова, — Л.З.) не говорится, что Т. Яковлева уже в 1929 году вышла замуж за французского аристократа?"

Почему, наконец, игнорировалась запись беседы Т. Яковлевой (по мужу Либерман), ... в которой она подчеркивала, что никогда не собиралась возвращаться в Москву, а тем более выходить замуж за поэта?

Да и вообще, — нравственно ли утверждать, кого Маяковский любил, а кого нет?"

Действительно, нравственно ли? Например, нравственно ли поступил муж Л. Брик В. Катанян, опубликовав воспоминания о Маяковском любивших его женщин? Нравственно ли для самого Семенова было категорично судить, любил ли поэт Т. Яковлеву, утверждая, будто право на любовь В. Маяковского имела одна Л. Брик. Нравственно ли было вообще писать о роли любви в жизни (и смерти) А. Пушкина, разбирать, кто скрывается за инициалами посвящений в стихах М. Лермонтова и т.д. и т.п. Перечень можно продолжать без конца.

Нравственно ли вообще иметь право на версии, в том числе и те, которые мы только что процитировали? Все зависит, видимо, от нравственности того, кто об этом пишет, от его добросовестности и объективности. Любителей копаться в прошлом пристрастно и нечистоплотно хоть отбавляй. Ну, а если писать по правде, проверяя факты и источники?

Хотелось, конечно, чтобы Ю. Семенов упомянул, чью запись беседы с Т. Яковлевой он имел в виду. Ведь на этом упоминании во многом держится версия о нежелании Т. Яковлевой выходить замуж за Владимира Владимировича! Увы, автора нет в живых, а то бы на правах знакомства можно было задать этот вопрос. Был бы ответ прямым? Мне-то Яковлева без колебаний ответила, что они любили друг друга и готовы были сочетаться браком. Другое дело, что в Москве были силы, не только не желавшие этого брака, но и помешавшие тогда Маяковскому выехать в Париж. А также распространявшие слухи с целью сорвать этот брак и сбить с толку Яковлеву и Маяковского.

Вначале, как замечает в своей книге А.Л. Михайлов, вести из Парижа об уходе Маяковского за Яковлевой не вызвали особого беспокойства Лили Брик. "Донесения" из Парижа в Москву от Эльзы Триоле к ее сестре Л.Ю. Брик... пошли с некоторым запозданием, ибо не сразу было уловлено, насколько серьезна ситуация, ведь Маяковский до этого увлекался женщинами, в том числе и самой Эльзой, и легким его увлечениями не придавалось значения со стороны Бриков... Письма и телеграммы Лили Юрьевны из Москвы в Париж пока пестрят просьбами насчет "абсолютно блестящих" чулок, часов с недельным заводом и... автомобильчика. Об автомобильчике, да еще последней марки, а после покупки, и об обмене машины, поскольку марка и цвет не понравились, — в письмах красной строкой. Даже с невероятными междометиями при угрозе непокупки: "Щеник! У-у-у-у-у-у-у-у!!! Волосит! Ууууу-у-у-у!!! Неужели не будет автомобильчика".

Но когда выявились матримониальные планы поэта, все было брошено на то, чтобы они не состоялись, Яковлевой внушали, что поэт уже увлекся другой женщиной, а Маяковского уверяли, что Татьяна Алексеевна уже приняла предложение Берграна дю Плесси. Особенно высокая активность развилась, когда поэту все-таки в феврале 1929 года удалось вырваться в Париж. Вскоре после этого он пишет Яковлевой: "Подумай и собери мысли (а потом вещи) и примерься сердцем к моей надежде взять тебя на лапы и привезти к нам, к себе, в Москву". Владимир Владимирович, узнав о трудном положении ее матери, живущей в Пензе, переводит ей деньги. Сестра Татьяны Людмила встречается с поэтом в Москве. Она писала отсюда матери: "он только и жил тем, что ждал ее писем..."

Сестры предпринимают экстренные меры. Эльза сообщила, будто сразу после отъезда Маяковского из Парижа Татьяна приняла предложение французского виконта. На самом деле Яковлева пошла на помолвку (а не на бракосочетание) только осенью 1929 года. О чувствах к Маяковскому говорит ее письмо матери: "Это самый талантливый человек, которого я встречала и, главное, в самой для меня интересной области... Когда я бывала с ним, мне казалось, что я в России, и после его отъезда я тоскую сильнее по России..." "Он всколыхнул во мне тоску по России и по всем вам буквально, я чуть не вернулась. И сейчас мне все кажется мелким и пресным. Он такой колоссальный и физически и морально, что после него буквально пустыня".

А тем временем Маяковскому на скачках весной 1929 года подставили Веронику Полонскую, обаятельную актрису, очень похожую внешне на Татьяну Яковлеву. Делалось все, чтобы разъединить поэта с Татьяной

Яковлевой. Чтобы больше ранить его новостями из Парижа, которые поставляла младшая сестра Лили.

В свидетельстве еще одной женщины, которую любил Маяковский (одной из первых) — Марии Денисовой, впоследствии жены героя гражданской войны Е. Щаденко, упоминается, насколько поэт был потрясен известием из Парижа о замужестве Яковлевой. Это запечатлела и сама Л. Брик. 11 октября 1929 года в дневнике она отмечает: "Письмо Эли про Татьяну. Она, конечно, выходит замуж за французского виконта... представляю себе Володину ярость и как ему стыдно".

Эли — это Эльза Триоле, жена французского поэта Арагона. Как бы невзначай Лили читала письма Эли в присутствии Маяковского и, видя как он взбешен, добавляла: "Ах, ведь она просила не показывать это письмо Володе!"

Вот как возвращается к этому эпизоду в своих воспоминаниях Лили Юрьевна:

"11 октября 29 года вечером — нас было несколько человек, и мы мирно сидели в столовой Гендрикова переулка. Володя ждал машину, он ехал в Ленинград на множество выступлений.

В это время принесли письмо от Эльзы. Я разорвала конверт и стала, как всегда, читать письмо вслух. Вслед за разными новостями Эльза писала, что Т. Яковлева, с которой Володя познакомился в Париже и в которую был еще по инерции влюблен, выходит замуж за какого-то, кажется, виконта, что венчается с ним в церкви в белом платье, с флердоранжем, что она вне себя от беспокойства, как бы Володя не узнал об этом и не устроил скандала, который может ей повредить и даже расстроить брак. В конце письма Эльза просит по всему по этому ничего не говорить Володе. Но письмо уже прочитано. Володя помрачнел. Встал и сказал: что ж, я пойду. Куда ты? Рано, машина еще не пришла. Но он взял чемодан, поцеловал меня и ушел". И далее описывается, что он был в гневе. Сцена проделана заново. Если в дневнике видно, что Брики прекрасно знали, что Яковлева выходит за дю Плесси, то здесь разыгрывается лицемерное незнание и столь же фальшивая забота о поэте. Ах, куда же ты! Это после того, как сестры укусили его в самое сердце, которое, видите ли, любил "по инерции", не имея на то их высочайшего разрешения...

Поэтому как бы указывали: видишь, какая она дрянь? Она и не жлет тебя. ТанDEM сестер действовал безотказно.

А РЯДОМ под видом друга околачивался упомянутый Агранов и "контролировал" пойманного в сети поэта. Его присутствие подтверждают многие, в том числе В. Катанян: "Лили была гостеприимна, и дом, как говорится, открытый. Среди посетителей за самоваром можно было время от времени увидеть и Якова Агранова, заместителя шефа НКВД, других известных чекистов... Можно быть уверенными, что часто бывая в доме Бриков, пишет он далее, (на самом деле Бриков прописал у себя Маяковский), люди эти наблюдали и за хозяевами, и за их многочисленными визитерами, были в курсе их дел и разговоров, и передавали информацию

В.В. Маяковский среди футуристов.

В Сочи. 1928 г.

о настроениях интеллигенции, бывавшей в доме, куда надо!.. Моя мать вспоминала, как однажды (она печатала архив Маяковского в его комнате) Агранов вошел и встал за ее спиной. Она, как бы невзначай, накрыла текст листком бумаги. Он насмешливо спросил ее: неужели она думает, что в этом доме есть что-нибудь такое, что он не прочел бы, если бы захотел?"

Роль этого человека в заключительный период жизни Маяковского выглядит злобной. Даже роковой. Это он подарил поэту браунинг, посоветовав использовать его, если тот "настоящий мужчина". Помогал изолировать Маяковского, когда выяснилось, что поэт не намерен сохранять надоевшую ему верность Брикам, может "предать" их с Татьяной Яковлевой. А раз так, то он должен быть наказан. Пусть знает, что значит не слушаться советов друзей, которые держат его на поводке. Татьяна, "конечно", должна была выйти за виконта. А Володе, "конечно", должно быть стыдно за то, что он осмелился испытывать к ней большое чувство и даже предложил ей руку и сердце. И это при том, что отношения с Л. Брик, по